

Цзян Сюэхуэй тихо смотрела на неё, в её глубоких чёрных глазах, казалось, скрывался тихий вздох. Спустя долгое время она сказала:

— Ты всё это время ждала, когда я спрошу, не так ли?

Цзян Сюэнин, словно не услышав её, вместо ответа приказала служанке в комнате:

— Мэй-эр, неужели ты ещё не принесла мне чай? Разговор будет долгим, нам нужно время.

Мэй-эр была так возмущена, что не могла вымолвить ни слова.

Тем не менее, Цзян Сюэхуэй внезапно приказала:

— Принеси чай.

Мэйэр была поражена и воскликнула:

— Старшая мисс!

Цзян Сюэхуэй не обратила на это внимания.

Тогда Мэй-эр сдержала дыхание и злобно уставилась на Цзян Сюэнин, прежде чем повернулась, чтобы уйти за чаем.

Цзян Сюэнин тем временем улыбнулась:

— Сестра, ты действительно хорошо сдерживаешь себя.

Цзян Сюэхуэй просто ответила:

— В конце концов, моя злость не заставит тебя покинуть эту комнату. Так что нет никакой разницы между хорошим и плохим настроением.

Это было вполне в духе Цзян Сюэхуэй.

В прошлой жизни она всегда была такой.

Она стойко переносила издевательства, сохраняя при этом достоинство и приличия, как будто ничто в мире не могло её вывести из себя. Но человек, живущий в этом мире без малейшего проявления характера, вряд ли кажется настоящим человеком.

Цзян Сюэнин слушала её слова и медленно начала гулять по комнате, рассматривая изысканную кровать из ясеня, украшенный лаком и цветами лотоса туалетный столик, а также одежды, которые только что были пропитаны ароматами...

У неё тоже были такие вещи.

Но те, что у Цзян Сюэхуэй, были подарены семейством Мэн, а свои она добыла сама.

— Ты действительно совсем не похожа на дочь Вань Нян, — легко проговорила Цзян Сюэнин, беря в руки браслет из красного агата, лежавший на туалетном столике. — С тех пор, как я помнила себя, Вань Нян всегда была очень вспыльчивой. Мы тогда жили в деревне, потому что нас выгнали из поместья, и многие над нами издевались, распуская сплетни. Я боялась. Но она выходила из дома, становилась под крыльцо и с улыбкой отвечала на каждое оскорбление.

Цзян Сюэхуэй слегка закрыла глаза.

Но голос Цзян Сюэнин продолжал звучать у неё в ушах:

— Не веришь, да? Даже в таких бедных и глухих местах она всегда старалась выглядеть красиво, даже если использовала самые дешёвые косметические средства. Она умела считать, читать, сочинять стихи и ругаться. Она не разговаривала с деревенскими женщинами, потому что никогда не считала себя одной из них. Даже когда дети из соседних домов приходили ко мне играть, она этого не разрешала. Она говорила мне, что я не ребёнок сельских крестьян, что я отличаюсь от других. Тогда Вань Нян была самой необычной, самой красивой и самой сильной женщиной, которую я когда-либо видела...

Цзян Сюэхуэй всю жизнь провела в суеде богатой столицы.

Она никогда не видела жизни в деревнях, не могла представить себе, как выглядят простые крестьяне, и тем более не могла вообразить, как женщина стоит под крыльцом дома, смеясь и отвечая на оскорбления...

Роскошная одежда, изысканная еда, игра в цинь, шахматы, живопись и каллиграфия.

Вот что ей было знакомо.

А всё, что рассказывала Цзян Сюэнин, для неё было чуждым.

— Когда я была маленькой, я играла во дворе, ловила стрекоз и срывала персиковые цветы. Вань Нян иногда сидела на ступеньках под крыльцом и смотрела на меня, а иногда стояла за этим маленьким окном и наблюдала за мной. Тогда я думала, что Вань Нян выглядит очень красиво; когда я немного подросла, я поняла, что в её взгляде есть что-то особенное, она всегда была задумчивой и отстранённой, как будто думала о чём-то другом.

Говоря это, голос Цзян Сюэнин вдруг приобрёл насмешливый оттенок, и на её губах появилась едва заметная улыбка, словно так она пыталась скрыть какую-то тайную горечь в своём сердце.

— Все говорят, что Вань Нян была любовницей из богатого дома, а я внебрачной дочерью такого дома. В любом случае, мы вышли из богатого дома. И тогда я подумала, что Вань Нян, наверное, хочет вернуться в Пекин. Однажды, когда Вань Нян снова смотрела на меня таким взглядом, я подбежала к ней, схватила её за руку и сказала, что неважно, если поместье не позволяет ей вернуться в Пекин. Когда-нибудь я верну её туда, куплю ей лучшие краски и лучшую одежду, чтобы никто больше не смел нас обижать.

Цзян Сюэнин пережила перерождение и эти воспоминания для неё были очень далекими, она даже думала, что почти всё забыла.

Но когда она начала говорить об этом, всё всплыло перед глазами с поразительной ясностью.

Цзян Сюэнин даже помнила, что в тот день Вань Нян заплела волосы в три косички и на мягкие мочки ушей надела старые серьги из красного коралла...

— Когда она обернулась ко мне, казалось, она была тронута. Я была так счастлива. Но потом её взгляд резко изменился, она внезапно оттолкнула меня. Знаешь, что она мне сказала? — Цзян Сюэнин надела на свое изящное запястье красный коралловый браслет Цзян Сюэхуэй и с

удовольствием рассматривала его, опустив взгляд, — Она сказала мне уйти, назвала меня дочерью проститутки и сказала, что если я так хочу вернуться в Пекин, то пусть я уйду одна.

Её кожа была очень белой, а в сочетании с кораллом высшего качества она казалась снежной.

Цзян Сюэхуэй, видя такой контраст, почувствовала себя потрясённой.

Браслет был действительно красивым.

Жаль только...

Что он, как и Вань Нян, не принадлежал ей.

Цзян Сюэнин вдруг почувствовала ту непереносимую холодную пустоту и усмехнулась:

— Вань Нян до этого была ко мне очень добра, я даже не знала, почему она меня отругала. Я обиделась, обняла себя и сидела под крыльцом, плача. Думала, может быть, Вань Нян ненавидит Пекин, поэтому боится, что если я уеду туда, то брошу её; или, может быть, она ненавидит моего отца за его безразличие, поэтому и называет меня дочерью проститутки. Как это смешно, как это жалко, правда?

Глядя на браслет, Цзян Сюэнин, наконец, сняла его.

Затем она подошла к Цзян Сюэхуэй, взяла её руку и надела на неё браслет, смотря на неё с неожиданной теплотой:

— Только четыре года назад я узнала своё происхождение. Вспоминая всё прошлое, я поняла, почему она меня ругала, почему смотрела на меня таким взглядом...

Цзян Сюэхуэй медленно сжала свою руку, чувствуя, как браслет из красного коралла на её запястье стал жгуче горячим, словно раскалённое железо на коже, и её голос наконец дрогнул незаметной дрожью:

— Хватит, не говори больше.

Но Цзян Сюэнин, как будто не слыша её, продолжала:

— Видишь, как несправедливо распорядилась судьба. Нас поменяли местами, и каждая из нас должна была получить то, что принадлежит другой. Некоторые вещи, по крайней мере, должны были быть и у меня. Но Вань Нян знала, что я не её дочь, что её настоящая дочь в Пекине; а моя родная мать не знала, что ты не её дочь, и воспитывала тебя как свою, отдавая тебе все свои чувства на протяжении многих лет. Таким образом, у меня не только нет любви родной матери, но и нет любви Вань Нян. Ты пользуешься любовью обеих, у тебя есть всё, а у меня... У меня ничего нет.

Она словно услышала, как ветер снова прошёлся по деревьям в горах, пронёсся через её сердце, унося всё с собой, не оставляя ничего позади:

— Поэтому всё, что есть у тебя, я тоже хочу этим обладать; всё хорошее, что есть у тебя, я хочу отнять. Но есть вещи, которые я никогда не смогу завоевать. Вань Нян до самой смерти думала только о своей родной дочери, и я сходила с ума от зависти, а тебе всё равно...

Со звуком «пах» Цзян Сюэхуэй, наконец, охладела, внезапно встала, сорвала с себя браслет,

которого недавно надела, и бросила его на стол, возразив:

— Почему мне это должно быть интересно? Твоя зависть – это то, чего ты не можешь получить; но то, чему ты завидуешь, не обязательно то, что я хочу.

Цзян Сюэнин посмотрела на неё.

Голос Цзян Сюэхуэй зазвучал необычайно резко:

— Вань Нян, конечно, моя родная мать, но я никогда не видела её, не говоря уже о том, что она сначала спланировала злодеяние, намеренно поменяв нас местами, что привело к последующим событиям. Всё жалкое берёт начало в ненавистном. Нин-мэй, ты человек, кишащий чувствами и капризами, но я не могу быть такой. Я была воспитана моей матерью с детства, научилась быть рассудительной и оберегать себя. Если я не интересуюсь делами Вань Нян, я нарушаю долг перед родной матерью; если я интересуюсь её делами, я нарушаю долг перед матерью, которая меня воспитала. Когда невозможно угодить обеим сторонам, зачем мне ставить себя в невыгодное положение? К тому же моя мать воспитывала меня с любовью и заботой на протяжении более десяти, почти двадцати лет. Она, может быть, была несправедлива по отношению к тебе, но не по отношению ко мне. Ты хочешь, чтобы я так жестоко обидела её?

Говоря это, она также показала некоторую грусть.

Цзян Сюэнин лишь уныло снова села и сказала:

— Я знаю, что между тобой и матерью сейчас пропасть, но когда ты четыре года назад вернулась в поместье, мать тоже хотела тебе помочь. Но ты всё время говорила о Вань Нян, не слушалась, всячески задевала её за живое, так что даже если у неё и была вина перед тобой, она постепенно начала стираться. Зато ты постоянно напоминала ей о Вань Нян. Я пыталась тебя убедить, но ты и меня возненавидела, ты не слушала.

Без сомнения, Цзян Сюэхуэй была умной.

Но такой ум всегда казался Цзян Сюэнин холодным:

— В этом мире не каждый может быть таким, как ты, взвешивать всё, быть таким бесчувственным, почти до холода.

Цзян Сюэхуэй ответила:

— Поэтому твоя ненависть ко мне оправдана, и я никогда не мстила тебе.

Цзян Сюэнин не сдержала смеха, словно только сегодня действительно узнала её.

В этот момент вспомнилось и прошлое, и настоящее.

Она смотрела на неё, мечтательно пробормотав:

— Как это я раньше не замечала, что ты настоящий кандидат для императрицы...

Её голос был таким тихим, едва слышимым, словно бормотание во сне.

Цзян Сюэхуэй не расслышала её.

Но это не помешало ей дать от ворот поворот:

— Сегодня мы уже многое обсудили, мать, вероятно, будет злиться и подозревать меня теперь, ты порадовалась, пора уходить, не так ли?

Цзян Сюэнин ответила:

— Да, пора уходить.

Но спустя всего лишь два шага в сторону выхода, она остановилась, обернулась и взглянула на Цзян Сюэхуэй глубоким, пронзительным взглядом:

— Я часто вижу Вань Нянь во сне. Но ты её никогда не видела, так что, наверное, и не сможешь увидеть её во сне, правда?

Сказав это, она улыбнулась и ушла.

Цзян Сюэхуэй сидела в комнате и лишь смотрела на разбросанные кусочки красного коралла молча.

На следующее утро Мэн узнала от своей главной служанки о визите Цзян Сюэнин к Цзян Сюэхуэй накануне вечером, о том, как они долго разговаривали, и была настолько взбешена, что тряслась от гнева, разбив все чайные чашки в комнате и выругавшись несколько раз.

Она послала за Цзян Сюэнин, чтобы «поговорить», но Цзян Сюэнин даже не стала отвечать.

После возвращения из дворца она действительно была очень уставшей и спала крепким сном без сновидений.

Когда пришли люди от Мэн, Цзян Сюэнин как раз положила горячее полотенце себе на лицо.

Услышав, что Мэн вызывает её, Цзян Сюэнин лишь смеялась, и её голос, смешанный с теплым паром, витал в воздухе неуловимо и невнятно:

— Сегодня у меня гости, а вечером встреча с Янь шицзы. Боюсь, у меня не найдется времени навестить мать. Пожалуйста, передайте ей, что впредь она должна быть ко мне более вежлива, не пытаться командовать мной по мелочам. В противном случае, у меня есть способы рассказать всему Пекину о её «любимой дочери» и её происхождении...